

Сауле

Беккулова

кандидат искусствоведения,
доцент, член Союза
художников СССР и Казахстана

РЫЦАРЬ СЦЕНЫ И СУДЬБЫ

Театр жизни, о котором столь живописно рассказали Бальзак, Теккерей или Акутагава Рюноскэ, имеет свое совершенно особенное воплощение на сцене. Театральная сцена, где главное слово принадлежит единому живому организму, включающему актеров, музыку, драматургию, декорации, свет... И зритель нередко не знает той силы, что заставляет остро чувствовать происходящее действо – силы художественного, живописного творчества, создающего магию декораций и костюмов, в которые облачены действующие лица. Зачастую имя художника остается анонимным. Но в истории театрального искусства сохранились имена гениальных художников – Бакст, Бенуа, Добужинский, Пикассо.

О художнике Игоре Николаевиче Корогодине (1938–1986 гг.), работавшем в театрах Алматы, я хочу рассказать, не прибегая к оценкам «ведческим» – это дело профессионалов сцены. Скажу лишь, что его творчество запало в души многих из поклонников оперы и драмы в стенах Казахского академического театра оперы и балета им. Абая и Театра драмы им. М. Ауэзова. Его оформление спектакля «Король Генрих III, или Обыкновенный фашизм» стало для меня эталоном. Вот когда высказывания импрессионистов о силе цвета оказались пророческими.

Эти эскизы видела не однажды – на выставках в фойе Оперного, а затем – на вернисажах произведений театральных художников в выставочном зале. Нет, они не поблекли и не потерялись в окружении множества других, так же трепетно и страстно стягивая пространство вокруг себя и завораживая зрителя.

Все включает в себя палитра Корогодина: спонтанная, колоритная, пульсирующая – любовь и ненависть, страдание и радость, боль разочарования и восторг первооткрытия. И никогда – уныние, тоску, безысходность, блеклые краски и соцветия. Наверное, в этом – кредо Человека и Художника.

Короткие встречи. Первая

В мастерской Салихэтдина Айтбаева коллеги собирались часто и с удовольствием. Там однажды, нечаянно и как-то очень естественно, состоялся мой первый разговор с Игорем. В общем гвалте застолья я обнаружила взгляд печального, удивительно красивого лица, обращенного как бы внутрь себя. Подумала: «Какая порода!» А он вдруг заговорил, горячо, нетерпеливо, вовсе «не в тему» шумевшего спора, обращаясь ко мне: «Ведь нельзя же всегда торчать в этом городе, на одном месте?!?» Ответила вполне «невпопад»: «А в горы Вы не ходите?» Он,

рассмеявшись, заколебался, потом неуверенно сказал: «Да, давно не был... А надо бы...» И тут словно увидел меня, просветлел лицом, «открылся». И неожиданно спросил: «А ты?» Смутившись, призналась, что без гор жизни не представляю, хожу каждую неделю, в воскресные дни. Одна. – «Одна?» Сразу посерьезнев, задумался. И добавил: «Как-нибудь соберемся вместе, да?» Согласилась, видя, что мой собеседник уже вновь «улетел» в свои размышления. Окружение ему не мешало. Таким я его видела потом не раз. Отрешенный, бледный, опутив на ладонь тонкое лицо с эспаньолкой, он сосредоточенно что-то искал, замыкаясь в себе. Вздрагивали веки, беззвучно шевелились губы, трепетали кончики пальцев – полное погружение в тишину. Тогда становилось понятным прозвище, данное еще в стенах мастерской ленинградской Академии художеств – «князь». Но эта породистая медлительная статья, настороженный, все замечающий взгляд из-под тяжелых век, неспешная походка мгновенно сменялись ребячьим хохотом и проделками в кругу близких друзей. Их было немного.

Питер – Алма-Ата

Урожденный алмаатинец, Гена Фильчаков после Академии художеств остался в Питере. Книжный график, он возглавлял одно время издательство «Аврора», преподавал в стенах Академии. Породнился с родом Бенуа, женившись на художнице, которую неизменно звал Марьяной и неоднократно привозил в город своего детства. Нас познакомила просьба одного алматинского графика позвонить ему в Питере в год моего поступления в Академию. Голос в трубке решительно и безоговорочно потребовал приехать по адресу, продиктованному тоном командора. Я подчинилась не без удивления и потом многократно благодарила судьбу и себя за это послушание и встречу. Большой, подвижный, ершистый, этот человек сразу покорила меня искренним, очень заинтересованным отношением, забросав вопросами об устройстве и проблемах. Обронил несколько слов об Алма-Ате – теплых, добрых, и я согрелась и обрадовалась.

Друг Гена Фильчаков

Не любя досужих разговоров, Игорь, услышав от меня о Гене, заулыбался. И замолчал, о чем-то глубоко задумавшись.

Всякий раз, оказываясь в доме Гены и Марьяны на Ордынке, я остро ощущала себя – дома. Ни с чем не сравнимое состояние душевного тепла, открытости, доверия. Сыночек Петя в мой первый визит был совсем ребенком – с пушистым белым хохолком надо лбом и нежным вопросительным взглядом синих глаз. Ему было пять. Он уже всюду рисовал, лепил, вырезал, что-то мастерил. И все время изобретал все новые игры. Отец это всячески поддерживал. Посмеиваясь, они с Марьяной ласково и непринужденно воспитывали в нем уверенность в себе и своем будущем творческом призвании. Атмосфера творчества и любви – самое драгоценное мое открытие в доме Фильчаковых. Гена тихо, горделиво сообщил, что Марьяна – из рода Бенуа, что вместе они сделали несколько детских книг, иллюстрируя и «Карлсона», и «Гусей-лебедей» Сельмы Лагерлеф, и русскую классику. Малыш это слушал, не дыша.

А в другой раз, приведя с собой в гости Лену Успенскую, жену художника и тоже творческого человека, испытала нечто странное. Здесь уже побывали гости-художники, и, как видно, застолье было не без горячительных напитков.

В уютной большой кухне, заменявшей гостиную-зал, мы устроились за круглым столом, накрытым белой скатертью, с обилием угощений. Лену устроили на почетное место близ окна, а я – ближе к входу, чтобы любимчик Петя мог свободно «курсировать» из своей комнаты ко мне и обратно. Он что-то показывал, серьезно и вопрошающе, я одобрительно кивала или комментировала, он вновь убегал, возвращаясь с чем-то новым: рисунки, игрушки, книжки.

Гена, конечно, хорошо знал моего любимого мужа-художника, но не распространялся на эту тему никогда. А Лена вдруг заговорила о нем, полагая, что это – уместно. Ведь с ее супругом Успенским они вместе учились в Мухинском училище. Гена не прерывал ее, а мне вдруг стало неуютно. Благо, Петя непрестанно о чем-то спрашивал и, наконец, предложил сделать мне новую прическу. Ласково потянувшись, он стянул с головы моей вязаную шапочку. Волосы вмиг рассыпались по плечам. Петя был в восторге: «Я сейчас тебя расчешу, ладно?» – и убежал к себе.

И в этот момент раздалось: «А ведь Себ не может быть стеной, защитником ни для кого!» Остро взглянув, сказал: «И для тебя – тоже!» Что-то застучало, рассыпаясь по полу. Это от усилия лопнула нитка бус на шее Елены. А я, взлетев со стула, выбежала из кухни. Вся – в слезах. Поймав на бегу, Петя крепко обнял, подталкивая в свою комнату, усадил и стал предлагать посмотреть какие-то крошечные маски из синтетической глины. «Я сам это сделал. Хочешь? Нравится? Я тебе дарю, на память». Извлек из стола спичечный коробок – точно по размеру – и сыпал туда два своих шедевра. Это были головы римского legionera и Эзопа. «Я вчера сделал. Для тебя!» Он обхватил меня сзади и стал расчесывать волосы. Спазм прекратился вместе с потоком слез. Весело заглянув в глаза, изрек: «Ну, пойдём обратно? Они же ждут!» И мы вернулись. А там, красный, смущенный, Гена пробормотал: «Ну, я сморозил, не сердись... А какую прическу соорудил тебе мой Петюня!» И все засмеялись с облегчением. Петя напоследок прошептал мне: «Ты приходи! Чаше! Я же жду!» Обещала. Увиделись не раз.

Перемены

Быстротекущее время со сменой условий и правил жизни в 1990-е годы оказалось и счастливым, и трагичным.

Мы шли как-то по Невскому со всем семейством в направлении к Адмиралтейству, когда Гена, вдруг остановившись, обратился к Марьяне: «Сейчас едем к нам, нужно как следует накормить Саулешку. И вот еще: всегда, в любое время принимай ее в доме, как родную, ладно?!» Я, смешавшись, тотчас распрощалась, сославшись на спешные дела. Прекрасно сознавая, что Гена верен себе: прямодушен и открыт, как дитя. И на душе было тепло и солнечно.

Время перестройки многих художников в Алма-Ате поставило на край жизни. Кто-то не выжил, кто-то обустроился в ином качестве. А здесь, в Питере, открылись шлюзы, и хлынула информация из ближнего и дальнего зарубежья. Тогда уехала в Америку из Питера старшая дочь Гены от первого брака. Объявились близкие родственники Марьяны из Англии и Армении, Франции и США, и пр., и пр. С работой начались перебои. И с заказами на оформление книг в том числе. Инфляция и дискомфорт в семье, где привычен стабильный высокий уровень доходов. Так было везде и у всех. Но мы, увы, отличаемся по уровню восприимчивости. А из Парижа, от престарелых тетюшек, сестер Бенуа, идут приглаше-

ния. Гена возражает, ссылаясь на неловкость: люди в преклонном возрасте, это неправильно – утомлять их своим прибытием.

А я отмалчивалась, чувствуя несогласие Марьяны. Но был еще один мой неожиданный визит.

На три дня

В 1981-м, закончив учебу в Академии, вернулась в Алма-Ату, засыпавшую меня солнечными поздравлениями, розами и подарками от друзей и Любимого, ревниво оберегавшего свое право главы. А осенью, сильно заболев и оставшись без голоса, вынуждена была лечиться всерьез. В итоге – путевка, профсоюзная, то есть почти бесплатная, «на море». Отпуск без содержания на месяц в моем музее и... Сбежала под конец в Питер, дабы вдохнуть кислород любви и дружбы в этой обители красоты. Решилась увидеться с Геной не вдруг... Но без звонка явилась в дом, застав его обескураженного моей просьбой. Он-таки снабдил меня суммой из НЗ, понимая, что лишь отчаянная ситуация могла заставить меня просить. А в доме на тот момент свободных денег не было. Как у всякого творческого человека. Но, отправив через два дня эти деньги на авиабилет из Алма-Аты главтелеграфом, потом долго оправдывалась. Он негодовал: «Я ведь тебе не в долг давал. Ты что, в самом деле, чужой человек, что ли?» С трудом простил и забыл.

Печальная встреча

А прежде была встреча в Алма-Ате.

Звонок Игоря застал меня врасплох: спешила на работу. Но он, помедлив, отчеканил: «Ты должна придти. Обязательно. Он будет тебя ждать». И продиктовал адрес, пообещав встретить возле дома. И вот, в назначенный час, приближаюсь к дому, где жили родители Гены. Прежде никогда с ними не виделась. Но, как сообщил Игорь, собрались друзья, чтобы проводить в последний путь отца Гены, что всю жизнь проработал в ТЮЗе художником-оформителем. Гена, оказалось, прилетел вчера. На панихиде были самые близкие со времен юности, учебы в художественном училище. Конечно, художники.

Воспаленное лицо с заплывшими от слез глазами, припухший рот, но голос твердый, властный, повелительный. Так и подобает Мужчине в час испытаний. Гена встает со своего места, приближается, ведет к столу, усаживает рядом с собой. Поодаль устраивается Игорь. Мы слушаем Гену, его рассказы об отце, грустим, смеемся. И я вижу, наконец, благодаря большому портрету в траурной раме, что Гена – точная копия отца. Статный, высокий, он обладает тем же волевым лицом, тем же прищуром светлых глаз и тем же нравом. Поднимаясь из-за стола, слышу: Гена просит не забывать его маму, звонить, навещать. Она ласково улыбается мне, кивая. Игорь, напряженный, сдержанный, только молчит. Беззвучные слезы они не показали никому. На лестнице обнялись. Уходя, на лестнице, Игорь, не оборачиваясь, помахал мне рукой. Плечи не горбились, но застыли в какой-то манекенной прямоте. А провожал меня, с подачи Гены, тоже художник, график Саша Островский. Утром следующего дня Гена улетел в Питер.

И тогда, на пути в музей память блиц-кадром высветила другой горький эпизод жизни. Слепшие от невыплаканных слез, мы вернулись с кладбища, оставив там чудесного человека и невероятного таланта графика – Макума Кисамединова. Он ушел молодым.

Вернувшись в дом художника, среди поминальных речей, бивших по слуху и сердцу, услышала тихое: «Кто – следующий?» Это был скульптор Вагиф Рахманов. Он пристально глядел на меня, а рядом с ним, с отсутствующим взглядом, смертельно-бледный, сидел Корогодин. Он ничего не слышал и не видел. Медленно выдохнув, я тихо сбежала из этого дома.

Потеря друзей – всегда испытание и боль, но насмерть ранит уход самых близких по духу. Этому не сравниться ни с чем. И нет слов.

Смех и боль

Гена среди моих друзей-питерцев умел, как никто, заставить удивляться и смеяться над собой. Вот он, окруженный друзьями-графиками, торжественно начинает: «Знакомьтесь! Это – Сауле. Она – мой друг из Алматы. Учится здесь, в нашей Академии. И, конечно, не знает своей истории». Я в изумлении взираю на него, такого уверенно-непреклонного! Он продолжает: «Так вот. Она живет в самом центре. Там сейчас современные четырехэтажные дома для представителей элиты. И улица ее называется проспектом Мира. Вся – в транспортных заторах. А не знает вот чего. Здесь совсем недавно, ну, порядка 30–40 лет назад, не было ничего: ни этих домов, ни асфальта, ни автобусов-троллейбусов. А что было? С бубенчиками спускались по пыльному бездорожью и коровы, и ишаки, и лошади с грузом и без. Зато какой аромат был! Ведь это – яблоневый рай. Там кругом все утопало в яблоневых садах, арыках с горной водой и горным бризом. Честное слово, сам видел, ведь я там рос. Правда, раньше, когда ее еще на свете не было!» И все залиристо хохочут. Но я-то, обиженная и оскорбленная, не понимаю – о чем это он? Да не может такого быть! Это – из области фантазии и каких-то умопомрачительных басен о моем современном городе. И вдруг вижу, Гена, прикрыв рот, тихо качается, глядя на меня. Он добился ожидаемого эффекта. Это позже, в Алма-Ате, расспрашивая, ища ответ в книгах, убеждалась: а ведь он говорил правду. Чуть измененную, но... А я всерьез изумилась. Но видеть его столь отчаянно веселым приводилось, по счастью, не раз. И Марьяна, терпеливо и сочувственно выслушивая, давала мне жестами знать – не стоит! Не грусти! Не обращай внимания! Зато Петька проявил себя неожиданно. Он, видя мое огорчение, прерывал обожаемого отца словами: «Ну, чего ты? Ей же больно! Перестань, пожалуйста!» Что покоряло и обескураживало. И не только меня.

Эти частые, ставшие необходимыми встречи все продолжались, радуя и укрепляя дух. Игорь, как всегда, не выпрашивая, но очень заинтересованно выслушивал мои впечатления об «уроках» дома Фильчаковых. Иногда неслышно хохотал, порой отмалчивался. И поддружил, если можно так выразиться, со своими друзьями-алмаатинцами Сашей Островским и Женей Кудиновым.

«Мы – из кержаков» и Саша Островский

Однажды Игорь совершенно неожиданно и веско бросил: «Мы – из кержаков». Словно отвечая на вопрос. И он тотчас последовал: «А кто это?» На что, уже с улыбкой, был ответ: «Ну, это на Севере, в Сибири жили такие племена людей. Со своим бытом, характером, верованиями... Довольно жесткая публика! – зачем-то прибавил он, пытливо поглядывая на мою растерянную физиономию. – А ты не знала?» Ответить было нечего. Тогда, тряхнув копной черных кудрей, он пояснил: «Об этом, вообще говоря, не принято говорить... Тем более интеллигенции... Но

ты знать обязана!» Разговор происходил в сквере близ Театра оперы и балета, где мы на скамейке ожидали прихода Саши Островского, друга и коллеги. Немного-словный, застенчивый, он обладал великолепным даром – умением слушать. И – слышать! Рядом с как бы с вызовом держащимся Игорем Саша терялся, был «в тени» и больше молчал. Но то, что отражалось на лице, в глазах и жестах, точно соответствовало ожиданию «главного действующего лица». Даже если он молчал! Недаром друзья звали Игоря «князем». Броская красота правильно вылепленного лица, острый взгляд ярких пронизательных глаз, тонкий абрис прямого носа и гордый рот – все привлекало при ближайшем рассмотрении облика нашего героя. Но вот он что-то тихо изрек, не поднимая глаз, повел плечом, выпятив губу, изогнул торс с наметившимся животом, выбросив вперед ногу и... Мы от неожиданности застыли. А следом – покатались со смеху. Так точно умел «изобразить» кого-то лишь он! И этот персонаж вслух уже не обсуждался. Мы, вытерев слезы и успокоившись, пытались говорить о чем-то серьезном, то насущном, то возвышенном. Всегда – с интересом и страстью.

Так Корогодин познакомил меня с близким другом. Отхохотавшись, мы стали договариваться о ближайших планах на выходные. Конечно, я сказала, что лучше всего поехать в горы. Игорь, блеснув глазами, перевел взгляд на Сашу. А тот, заволновавшись, вдруг предложил: «А хочешь, поедem с нами на 3–4 дня на Чарын?» Повисла пауза. – «А где это?» – Саша удивился: – «Как, ты не была там? Так это же – сказочное место. Невероятная красота! Горы, каньоны, речка... Мы там этюды пишем! Через несколько дней, на двух-трех машинах мы туда едем...»

Эти слова о каньонах поразили. Их я видела лишь в кино. «Забриски Пойнт» – американские прерии и каньоны сказочной красоты.

Но совместной поездки не случилось. Что-то помешало. Много позже я оказалась там с семьей родственника и его коллегами. А тогда... Игорь с каким-то удивлением глядел на Сашу, живописующего прелести ущелья.

Конечно, я сообщила свои телефонные координаты, и мы условились о встрече. Примерно... Почему Игорь молчал – осталось неясным.

После этого он поднялся, что-то шепнув другу, и ушел. Саша рассказал о своей семье, о дочке. Признался, что книжки, которые он иллюстрирует, нужны, наверное, только ему самому и дочке, пока она была малышкой. Но это занимает его давно. И – интересно ему, как ничто другое.

Я живо среагировала: можно ли взглянуть? С удивлением, как-то стесненно, Саша произнес: «Конечно! Но как?» Оказалось, что мастерской у него нет. Работает дома. И следом добавил: «Хочешь, я познакомлю тебя с женой? И заодно посмотришь мои книжки». Ответила согласием.

Именно в этот момент возник Игорь с букетом цветов. «Это – тебе!» – протянул он подарок царственным жестом. Я приняла с радостью, мы вместе рассмеялись, и оказалось, что мне пора удалиться. Благо, дом мой был «в двух шагах». Тепло простившись, разошлись. Но условились встретиться «на днях».

В доме Саши Островского

Игорь по телефону известил, что занят «выше головы», но предложил пойти к Саше без него. «Ведь у вас рабочие планы!» – сказал он со значением, немало смутив. Но он верно понял все и точно знал, что делает, направляя меня в дом друга.

Саша деликатно, с улыбкой встретил меня на остановке. Троллейбус довез нас до места: Гоголя – угол Космонавтов. И через дворы добротных домов «сталинской застройки» мы прошли к его дому, поднялись на этаж. Красивая брюнетка Гала – его жена – тепло встретила и провела в дом. Пили чай, слушали музыку. А меня точило нетерпение: когда же увижу работы Саши. Наконец он неспешно раскрыл передо мной, одну за другой, детские книги. И это было откровение! Особенно – «Барон Мюнхгаузен», любимый с детства. И другие сказки, невероятно смешные и печальные в исполнении художника, увидевшего их именно такими! Наверное, Саша уже понял, «с кем имеет дело» и, не дожидаясь просьб, сказал: «Я дам тебе все книжки и эскизы домой, сейчас. Только... Это – единственные экземпляры...» Больше комментариев не требовалось!

Очень скоро, страшно волнуясь, пришла в редакцию «Простора», где знала только В. В. Старкова, старшего друга-наставника по киностудии «Казахфильм». Приняли. И вышел номер со статьей о творчестве Саши. Но не так скоро, как ожидала. И помню печальное лицо Саши в те дни. Оказалось, он собирался уезжать «за кордон». Было много проблем невеселого свойства. А эта статья наделала шуму в нашем Союзе художников, о чем мне едко бросил один из графиков. Но все меняется в этом «лучшем из миров». И уезжая, многие из наших друзей вовсе не ободрялись относительно своего близкого будущего.

Впоследствии и мой обожаемый Виталий Васильевич Старков – писатель, ветеран Отечественной войны, известный в кино и в пишущем мире человек, мучил меня сомнениями: стоит – не стоит ехать. А рядом его чудная жена, терзаемая тоской по дочери и внуку, живущими там, вдали, а главное, надеясь на помощь зарубежной медицины, просила меня «поговорить с ним». И, через силу, я согласилась: «Семья должна быть вместе!» Дочь Галка, прилетевшая уже в период оформления документов, с разбегу обняла и расцеловала. Но я-то знала: каково человеку, выросшему на этой земле, оказаться вдали, без возможности вновь явиться сюда... Возраст, здоровье, отсутствие друзей и единомышленников, собратьев по перу...

Увы! Оттуда шли звонки и письма. И не было в них радости. Хотя знакомый журналист бодро заявил мне: «Да все у них О'кей! Дом у моря, в двух уровнях, красота!» Но не быт греет душу творческого человека. И так жалобно и печально кричал мне в трубку старый человек: «Как ты? Как ты, девочка? Приедешь? Мы ждем! Жена – после операции. Лучше. Ты приезжай, мы скучаем!»

А потом пришла весть об уходе Саши Островского – в газетной заметке Инны Потахиной. Позже, уже в Союзе писателей, известили об уходе Старкова. Почему так скорбит сердце, когда ничем не можешь помочь, когда ничто уже не поправимо? Наверное, это цена привязанности к человеку.

В гости – по телефону

Телефонный звонок вернул из забвения. Жаркий, душный день заставил прилечь, чтобы хоть немного избавиться от сильной головной боли, которая началась днем на работе. Вернулась после обеда и распласталась на тахте, забывшись недолгим сном. Телефон продолжал неистово вопить. Довольно долго. Наконец, сняла трубку. Там, поворчав, изволили спросить меня. Порядком удивившись, переспросила. Да, утвердительно ответила трубка, да-да, именно тебя и нужно. А потом обстоятельно и требовательно объяснила, в каком направлении мне

следует немедленно начать двигаться, порекомендовав в качестве транспорта не городской, но непременно – такси. И в заключение победно выкрикнула: будем ждать, встретим, понятно? Понятного было мало, но тон был столь наставительно-страстный и вместе с тем беспомощно-ожидаящий, что я согласилась. Звонил Корогодин, затем, перебивая его, уточнял координаты Женя, и вновь – Корогодин. Словом, собралась и поехала.

Сад и моя комната

Старый сад, густо заросший фруктовыми деревьями, уютный и тихий, погружал в ароматную прохладу. Такой же старый дом с обилием книг, музыки и неуловимым ароматом душевного тепла. В открытые окна струился сладкий запах цветов, листы и трав, а здесь, за большим деревянным столом, пыхтел самовар, и мы втроем пили чай с вареньем. И радовались. Обещания оказались верными: головная боль прошла – то ли от свежести воздуха, то ли от самой атмосферы дружеского участия и юмора, а может быть, от той искренней, бьющей через край радости, что встретила мое появление в доме.

Уже в густых сумерках мы пошли в сторону моего дома, пешком. Огромная луна сияющим шаром свисала над головой, легко дышалось. И мы топали по Сатпаева, почти безлюдной в этот час. Так, провожая меня, Игорь и Женя дошли до моего подъезда. И вдруг остановившись, дружно начали уговаривать вернуться. Дома – моя мама, зачем ее беспокоить. Мы ненадолго, а потом – проводим. Не сдавшись на уговоры, потребовала войти в дом. И вот мы – в моей комнате, на третьем этаже, вновь пьем чай. В открытое окно льется ночной аромат и лунный свет, звучит музыка, а наша беседа не умолкает. Внезапно замечаю, что гости мои утомились не на шутку. Женя, привалившись к шкафу головой, как-то странно неподвижен. Он всегда больше молчит, предоставляя возможность говорить друзьям, а здесь и вовсе замолк. А Игорь, посмеиваясь, тихонько объясняет, что сегодня сдана в издательстве работа, две ночи без сна, вот и... И жестом эквилибриста извлекает из-под стула пустую бутылку. Как она там оказалась? Со смешком устанавливая ее обратно, Игорь поясняет, она была с собой, в портфеле, это хороший коньяк, так что не страшно. Я в замешательстве замечаю, что и он как-то уж очень бледен, но как будто совершенно трезв. Засмеявшись, он успокаивает: «Все нормально, он (то есть Женя) спит, а я тебе сейчас расскажу кое-что».

Всегда такой сдержанный и благообразный, Игорь вдруг на глазах преображается и рисует невообразимое зрелище. «Ты в какой школе училась, в 25-й? Ну, и я там же, только раньше. Ну, так вот. Да, я был отличником, настоящим таким, правильным мальчиком. А у нас в ту пору чернила были химические, жидкие, мы их носили в школу из дому в таких шитых мешочках, в специальных чернильницах. Ну вот, сидим мы на уроке. Первый этаж, тепло, почти лето, окна открыты. И вдруг «училку» вызывают зачем-то в коридор. Мы порядком устали. Это – последний урок. Сидим чинные, тихие, «отличники». И вдруг – никого, свобода! Как ты думаешь, что мы сделали?» Он пристально смотрит на меня, изучающе и как-то подозрительно строго. Растерянно молчу, недоумевая, что можно сделать в несколько минут отсутствия на уроке преподавателя? Удовлетворенно кивнув, Игорь продолжает: «Так вот, мы кидаемся к окну и запускаем наперегонки – кто дальше – свои чернильницы на улицу. Представь – крутятся в

воздухе, разбрызгивая смертельную жидкость, несмываемую, ядовитую, наши «снаряды» летят в прохожих, а мы тотчас, уже притихшие, водворяемся на свои места. И когда училка возвращается в класс, мы – за партами, ангелочки, все тихо».

Взглянув на меня победно, Игорь внезапно весь заливается краской и тихо, залиvisto хохоча, сползает со стула, сложившись вдвое. Со стонами, хватаясь за бока и давясь слезами, он пытается подавить смех, но еще сильнее захлебывается и всхлипывает, закрывая глаза. Я молчу удивленно, не узнавая своего строгого старшего друга. А уже через несколько мгновений, не выдержав, сама всеми силами пытаюсь остановить неуправляемый приступ смеха. Качаясь из стороны в сторону, взмахивая руками и зажимая рот, Игорь дает мне знать жестом, что – довольно, прекрати... Понимаю сама, что надо соблюдать тишину, уже поздно. Но, силясь вздохнуть, уже не могу остановиться и уже почти плачу, не в состоянии унять хохот.

Потом вновь был чай. Женя, проснувшись, удивленно спросил, моргая: «А как мы здесь оказались?», чем вызвал новые стенания, до колик. Наконец, друзья мои двинулись к двери. Совсем рассвело, мне пора было собираться на работу и, проводив до первого этажа, у подъезда прощаюсь, благодарю за встречу. Они церемонно раскланиваются, благодаря взаимно, приглашая тем же вечером вновь в гости в старый сад. Солнце заливало наш двор щедрыми утренними лучами, было свежо и прохладно. Внезапно, приосанившись, вскинув свою кудрявую голову, Игорь спросил важно: «А отчего бы нам сейчас не пойти куда-нибудь, скажем, на чашечку кофе?» Я настолько опешила, что не нашлась с ответом. А Игорь, враз утратив всякую чинность, тихо захохотал и, утирая слезы, ласково кивнул: «Ну, мы пошли». И они медленно удалились. Я поспешила на службу.

Праздник художников

Осенью 1981-го, завершив учебу в Академии художеств, вернулась в Алматы. И, не передохнув, на волне эйфории, кинулась на «рабочий фронт» своего Музея искусств им. А. Кастеева. Приехала уникальная выставка из Третьяковки, сопровождаемая светилами теории искусствознания и критики из Москвы и Ташкента. Шквал интереса и штурмы музея публикой, требующей «зрелищ!» Ежедневно, с утра и допоздна, без выходных, все лето в «авральном режиме». Так я умудрилась к осени захворать, едва не лишившись напрочь голоса. Грипп, простуда, безголосие и все убавляющийся вес пугали не только моих коллег и ближайших друзей. Ведь они превратили завершение моей учебы в триумф, заваливая розами и подарками почти ежевечерне и всячески пытаюсь продлить этот праздник.

Но хворь брала свое. Приходилось лежать дома. Молча. Даже по телефону что-то говорить не было ни сил, ни голоса.

И тогда, осенним вечером, кто-то позвонил в дверь. Качаясь, отворила. Валера Филатов, сотрудник Союза художников, кланяясь и извиняясь, стоя на пороге, начал убедительно просить не отказать. От имени друзей-художников и по их просьбе он пришел пригласить на праздник по случаю принятия в Союз художников большой группы наших коллег со всего Казахстана: «Это же рядом, через дорогу!» Он так убедительно и просительно объяснял, что я заколебалась. Тут раздался телефонный звонок, как бы в подтверждение слов Валеры. Начались

увещевания и мольбы не отказаться от встречи – там собралось порядка трехсот человек! Вся молодежь – наши живописцы, скульпторы, графики, театралы, много выпускников моего института. И я сдалась.

Опираясь на руку Валерия, перешла улицу, и мы поднялись в залитый ярким светом зал ресторана «Алма-Ата». Тогда это был лучший ресторан в Казахстане. Оказалось, что подобных банкетов в истории нашего Союза художников ни прежде, ни после не было уже никогда.

Я волновалась, что ни с кем не смогу нормально общаться: голоса ведь не было. И что же? Столько бьющей через край радости, теплых слов, вопросов, пожеланий, столько искреннего тепла окружило меня! Огромные длинные столы уже почти лишились угощений. Но тотчас забегали друзья, возникли официанты, а мои художники наперебой стали меня кормить. Поразительное, трогательное и забавное зрелище! Потом – приглашения к танцу. От души веселясь и улыбаясь друзьям, заметила: подобие голоса появилось. Но я едва держалась на ногах от слабости. Звенит смех, шутки, звучит музыка, кто-то танцует. Поднимаю глаза, а передо мной – обиженный Игорь. Он с поклоном пригласил на танец, а я молча пытаюсь обойти. Но вдруг, догадавшись, что все не просто, догоняет: «Я провожу тебя». А мне уже не до смеха и объяснений. Вынырнув из толпы, присоединяется Валера. Они вместе медленно ведут меня домой.

Через день я отправилась на лечение к морю, а через месяц в декабре – новая встреча. И – разоблачение. Это могут только художники. Если это – друзья. И, конечно, Любимый. Он все понял с первого взгляда.

В день приезда «с моря», что завершилось Питером и встречей с Геной Фильчаковым, пришла на работу вовремя, утром. Прежде признавшись маме, что предприняла «демонтаж» курортного вояжа напоследок. Опасаясь ее недовольства, говорила, очень волнуясь. И вот ее отзыв: «Ну, наконец! Без всяких поручений и вечных неотложных дел, просто для души! Молодец!» Это согрело сердце, как ничто.

Мой дорогой, когда я заглянула «на минутку» в мастерскую, просиял: «Что, в Питере была? Да вижу! Как там наши? Ну, вечером поговорим, дома, беги!» А я, прежде чем вернуться в музей, заглянула к друзьям-монументалистам в мастерскую Геннадия Завизионного. Все, шумно приветствуя, спрашивали, а я обронила: «На море была, лечилась...» И тут, шагнув ко мне, поцеловал в лоб Игорь: «Где-где была? Да ты – из Питера! Вся светишься!» Вот так меня расшифровали. Ведь у художников очень «тонкая кожа» и острый всевидящий глаз. А у меня – гора с плеч! И с удовольствием передаю Игорю и присутствующим привет от Гены, его семьи и всех питерских друзей. Они наперебой выспрашивают меня о новостях, событиях творческой жизни, квартирных выставках и встречах. Уже опаздывая, едва смогла убежать. Но разгадал меня, конечно же, мой Себ, с первого взгляда, улыбаясь и грустя. А следом – его лучший друг Игорь. О Гене мы с ним не говорили – и так все было ясно.

Гена. Последняя встреча

В 1995-м, после большой паузы, я позвонила Фильчаковым, известив о прилете. Марьяна отвечает: «Дела? Плохо. Приезжай! Сейчас». Голос сдавленный. Мчусь со всей возможной скоростью. Времени в обрез. До отлета в Алма-Ату – 4 часа. Плюс – дорога на метро, пешком, бегом. На лестнице их подъезда, услышав шаги,

вижу. Навстречу спускается Марьяна и светлый подросток. Он, поравнявшись, с улыбкой вдруг заключает меня в объятия и что-то тихо говорит. Мать, очень бледная, добавляет: «У Гены – онкология. Он сейчас приехал с ночевкой домой из Института. А мы... Вот, провожаю Петю на вокзал. Едет в Париж, к тетушкам». Скороговорка оборвалась, мы обнялись и заспешили.

Дверь распахнулась. На пороге возвышался друг – все тот же стройный, поджарый и несгибаемый. Весело взглянув, жестом указал на дверь кухни – гостиной. Я смотрела и не верила. Быть этого не может! Он под взглядом вдруг засуетился. Открыл холодильник: «Тут все замороженное. Ну, для моего горла. Ведь я уже прошел два курса облучения. Странно. Голоса у меня ведь не было. А сейчас “прорезался”. Ну, будешь мороженое? Или – чай? А хочешь – есть бутерброды!» Он забросал меня вопросами об Алма-Ате. Потом начал давать поручения. Как всегда, импульсивно и жестко. «Позвонишь Абдижамилу Нурпеисову. Он – в курсе. Тут Дудин его стихи перевел. Публикуют. Нет, наоборот. Стихи Дудина переведены на казахский. В общем, передашь ему книгу и письмо». И тут же принялся звонить в Алма-Ату, дабы предупредить. Не дозвонившись, продолжая настаивать на угощении, вспомнил: а когда время отлета? И тотчас засобирился. «Ну, я вообще-то больше лежу, на улицу не выхожу. А сейчас вроде и не болит ничего». Быстро одел куртку, помог облачиться в пальто мне и решительно открыл дверь: «Пошли, а то опоздаешь. Ты ребятам там мои приветы передавай». На улице, близ метро, заспешил: «Что-то я дурака валяю. Хватит! Постараюсь из этой истории выйти молодцом». Я не стерпела: «Обещаешь?» – «Обещаю». И вдруг, наклонившись, поцеловал. И, стоя с поднятой рукой, так и остался стоять. А я стремглав кинулась в метро, чувствуя, что уже окончательно опоздала на рейс. Автобус уже ушел, а на такси – нереально. Уже в порту, таки добравшись, услышала: рейс задерживается почти на полсуток. И сидя в кресле на втором этаже Пулковского порта, вдруг ощутила: чудеса сбываются. Гена непременно должен выздороветь! Доктора сулили ему легкий уход уже через пару недель. А он поднялся.

Увы, через 2,5 месяца он ушел. А мне об этом сообщили друзья лишь через полгода. Пять месяцев, вернувшись из Питера, я провалялась с непонятным диагнозом: то ли воспаление легких, то ли тяжелая форма бронхита... Но дважды пришел друг, врач Коля Чиликов и заставил меня признаться вопросом: «А когда это все началось?» А выслушав, свирепо спросил: «Да что же ты делаешь? Зачем? Ты же не Господь Бог, что же ты все на себя тянешь? Подумай о себе! О родных, наконец!» Я поразилась. Но поняла, о чем он. И вскоре, быстро выздоровев, явилась в музей. Вот тогда меня и известил звонком Женя Кудинов: «Мы же в курсе, что ты там была, Марьяна сказала. Она тебе привет передает. И Петька». Я с трудом «взяла себя в руки». И только потом поняла, что нет моей вины ни в чем. А я казнилась мыслью о том, что напрасно пыталась Гене дать поверить в его выздоровление, было слишком поздно. С трудом преодолевала в себе отчаяние и чувство вины. То, за которое так бранил меня Коля. Он фактически спас меня. Говорить об этом ни Любимому, никому из друзей я не решилась. Оказалось, это было единственно правильным.

Никто более не заговаривал со мной ни о Гене, ни о Е. М. Сидоркине, ни о Макуме. Слишком больно. Но память высвечивает эпизоды, которые забыть невозможно.

В доме Игоря

Длинная многоэтажка, облицованная розовым ракушником на берегу Весновки – мастерские и дом, где живут художники. Игорь Корогодин наскитался по общежитиям и квартирам в течение двадцати лет, прежде чем поселился на верхнем этаже просторной светлой квартиры, выходящей окнами на речку и залитый солнцем двор. И вот что поразило меня сразу: никакой современной мебели, никаких гарнитуров и «стенок». «Доисторический» диван, шкаф того же стиля, круглый старый стол и пара табуреток. С потолка свисает немыслимой, какой-то изощренной формы большая ветка с несколькими золотистыми листьями, на полу – проигрыватель и несколько пластинок – классика и джаз. Дальше вдоль стены, лицом к ней, несколько больших холстов. С лицом заговорщика Игорь заводит в другую крошечную комнату. Отстраняется от входа и... ахнула от изумления: над железной, с шариками, кроватью висел китчевый коврик с лебедями и розами, а на полу темнело нечто металлическое, тяжелое. Он угадал вопрос, водрузил на стул это нечто. Оказалось – испорченная швейная машинка. «Нашел. На помойке». Значительный взгляд, а затем: «И вот еще что». И достал странную форму не то птицы, не то животного, к которому тотчас стал примеривать крылья из какой-то шелухи или скорлупы. Все оказалось страшно интересно, занимательно, совершенно ни на что не похоже. Мне нравилось и, видимо, хозяин это чувствовал и радовался. Этот кладезь находок живо напомнил мне моих питерских друзей – театралов и художников, которые с помоек – «погребений» старинной прекрасной мебели приносили в дом, а затем, бережно отреставрировав, возвращали к жизни вещи удивительной красоты.

Игорь умудрился проделывать это здесь, в Алматы, где подобных уникальных «погребений» нет, но зато именно глаз художника безошибочно угадывал, что скрывается за истертым, дряхлым обликом какой-то выброшенной за ненадобностью «немодной» вещи. И это вело прямо в театр, где из века в век человеческие судьбы, меняя свои внешние очертания, остаются для нас драгоценными вехами времени.

День рождения

Пригласив в гости на 31 августа, Игорь «не проболтался» и, оказавшись за праздничным столом вместе с Женей Кудиновым, коллегой и другом Игоря, я облилась краской стыда, узнав, что это – день рождения. И умолчала намеренно о дне следующем – собственном дне рождения. Вдоволь насмеявшись, мы расстались. А у меня был «цейтнот», но отменить свой день рождения я не могла, потому что друзья в этот день – давно так повелось! – приходят без приглашения. Вечером встретились с Игорем снова, и я «заикнулась» было о проблемах, на что последовала незамедлительная реакция. Из стеклянной пол-литровой банки была извлечена пятирублевая купюра. Я растерялась, запротестовала. Аргумент был веский: не делится. Но Игорь берет банкноту и разрывает ее на две равные половинки, вручая одну из них мне: «Чтобы поровну!» Боже мой, как он хохотал, вытирая слезы, при виде моей физиономии! Ну, что поделаешь, я присоединилась, забыв о своих переживаниях. А на следующий день, опередив всех, Игорь пришел и торжественно протянул мне металлическую тяжелую кувалду (нечто для подбивания обуви) и деревянное полированное яйцо. Убедившись в произведенном эффекте, он дополнил свои дары изящным томиком стихов. «Бо-Цзюй-и. Лирика» – успела прочитать я.

прежде чем заняться гостями. Потом читала китайскую поэзию ночами, медленно, выпитывая каждую строфу, сравнивая с японской, наслаждаясь... И лишь годы спустя, случайно, обратила внимание на шелковую закладку меж страниц.

Урок

О биографиях художников всегда ходит много слухов. Не люблю этого и пытаюсь противостоять. Так, однажды, сидя в обед в почти пустом кафе рядом с музеем, где работала, услышала пронзительный дамский голос, утверждавший, что «Корогодин – это такой негодяй, вы даже представить себе не можете!» Я выронила ложку и, сорвавшись с места, не помня себя, поравнялась со столом, где обреталась сия особа. Резко, яростно, но тихо попросила никогда не говорить о человеке плохо в его отсутствие, тем более, если человек – сама порядочность! В зале застыла тишина, есть уже не хотелось, и я ушла, словно обоженная. Это был урок. Значит, и о самом благородстве можно вот так запросто, прилюдно, говорить обратное?! И слабым утешением звенели слова шекспировские:

Ведь роза остается розой,
Хоть розой назови ее, хоть – нет.

Другой урок

А следующий урок – один из многих – Игорь преподнес мне в сентябре 1982-го. Приглашение на семинар искусствоведов в Палангу пришло в Союз художников на мое имя заранее, о чем мне отчего-то секретарши не сказали. Приближался срок предполагаемого отъезда, я пришла в мастерскую Сидоркина (кстати, соседа Игоря по дому и этажу) и после доброй короткой беседы услышала смутивший вопрос: «А почему ты не интересуешься вызовом?» Он быстро собрался и стремительно зашагал в соседнее здание Союза, повелев следовать за ним. Исполняя обязанности председателя Союза художников в те дни (главный был в отъезде, видимо), Сидоркин строго распорядился, и тотчас приглашение нашлось, а художник, ласково посмотрев, поторопил с авиабилетами и прочими формальностями. За два дня со всем этим разобравшись, приехала к Игорю с просьбой: вместе зайти в соседний подъезд, домой к Сидоркину. Отъезд мой намечался назавтра. И вдруг.. Игорь как-то сумрачно, скороговоркой стал приводить какие-то непонятные доводы – почему не надо идти к Сидоркину. Взволнованная, окрыленная, впервые отправляясь на такое серьезное – всесоюзного масштаба! – профессиональное мероприятие, я всецело чувствовала себя обязанной этим нашему старшему другу, коего Игорь звал «Женя». И тогда наступил странный момент: Игорь вдруг опустился на колени и поднял ко мне лицо. На глазах – слезы. Сцепив руки, бескровными губами он прошептал: «Умоляю! Женечке это будет тяжело. Он лежит. Плохо ему. А ты такая цветущая, молодая, улетаешь!.. Не надо, пожалуйста!» Я сдалась, заручившись обещанием Игоря: «Вот увидишь, ты вернешься, он встанет на ноги, и мы вместе пойдем к нему!» Я поверила.

Весть о кончине Сидоркина настигла меня в Клайпеде, где мы с коллегами были на конференции. Сказал об этом москвич Андрей Волков, уморительно рассказывавший о всяких историях в Сенеже, где они бывали вместе и очень подружились. Он сопровождал меня по вечернему городу, остальные шли позади. И вдруг, остановившись, изумленно спросил: «А ты что же, не знаешь?» И так спросил, что я смешалась: «О чем?!» «Но ведь все же уже знают, всем со-

общили...» – «О чем?» – «Да ведь Женечка, ведь он умер. Уже два дня...» Потом ничего не было. Андрей донес меня к автобусу, позвал друзей, что-то они говорили, увещевали, поручали Андрею. Он всю дорогу до Паланги сидел рядом. Не смолкая, рассказывал о Цветаевой, о своей дочке, о живописи своей, о музыке, о жизни вообще. Только о Сидоркине больше не заикался. Довез меня до Паланги. Там меня лечили. Но это все неинтересно. Вернувшись домой, в Алма-Ату, сразу позвонила Игорю. И приехала к нему. Почерневшее лицо, запавшие глаза. Он сразу, не ожидая просьб, повел меня в соседний подъезд. Снова – на пятый этаж. Гульфайрус Исмаилова, жена Сидоркина, коллега Игоря, вела себя потрясающе. Ни слез, ни истерик, ни жалоб. Только теплые, светлые слова о Сидоркине, о нем и сыне, о молодости с ним, о последних днях. Потом Игорь проводил меня домой. Молча. Только крепко держал под локоть.

В подарок – смех

Меж тем, встречи с Игорем назвать серьезными от начала до конца я не могла никогда. Если не до колик, то уж во всяком случае взхлеб заставлял он смеяться всякий раз.

Как-то зимой, засидевшись, я в ужасе заметила черноту за окнами и заспешила. Игорь вальяжной походкой прошествовал по коридору туда и обратно, затем медленно обулся, облачился в старое черное пальто и замер в молчании. А я, судорожно быстро одеваясь, паниковала, что трамвая не будет, что дома волнуются, и что вообще мне попадет. И вдруг услышала себя... Подняла глаза, а он, величественно водрузив на голову нечто пирожкообразное, откинул ее и выставил ногу... Представляет! Захлебнувшись, я согнулась пополам и, вытирая слезы, взмолилась, что уже надо бежать, а он, вот, тянет время. Торжественно открыв дверь, он не менее торжественно переступил порог, и мы двинулись в ночь.

Не успев миновать двор, я вновь заливалась хохотом, глядя на умопомрачительные рожи, которые корчил мой друг. Делал он это мастерски. Спросит что-нибудь серьезно, дождетя поворота моей головы, а сам тотчас скосит оба глаза, выдвинув челюсть, или загнет шапку набекрень, или весь скукожится, став гномиком. Смеяться тихо в ночной тиши совсем непросто – гулкое эхо разносит смех далеко и звонко, а на каком-то моменте уже терпеть невозможно, и срываешься. До слез. Краем глаза улавливаю – Игорь хохочет сам, беззвучно, заливисто, с придыханием. А между тем, в том походе он успел рассказать мне о родителях и детстве, о родине. «“Ко-ро-го-дин” – по слогам произносит он. Род крепкий, из кержаков». И объяснил, что это значит. «Отец ушел из жизни. Мама, Верушка, живет в Подмосковье, иногда наезжает в гости. Как-нибудь познакомлю». И познакомил на дне своего рождения. Совсем не похож на нее, ласков и снисходителен к ее капризам. Единственный сын, понятно.

Книги и Макум

Мою страсть к книгам Игорь оценил незаметно. И трогательно. Он умудрялся брать на прочтение редкие книги у друзей на пару суток и приносил – на сутки – мне. Так я открыла Пера Лагерквиста. Так осчастливил он меня знакомством с Торнтоном Уайлдером и многими другими. Старое издание «Истории костюма» я держала в руках в его доме лишь однажды, запомнив на всю жизнь. С книгами он был на «вы».

Однажды, очень удивив, Игорь явился без предупреждения. Он оправдывался не слишком убедительно: «Понимаешь, я тут рядом, в Оперном был, шел на остановку троллейбуса, а там – вход в ваш двор, вот и...» Смеясь, предложил: «Ты что больше любишь: чай или кофе?» Смутилась: «Но я уже поставила чайник на плиту. А кофе – вот он».

Опускаясь в кресло, Игорь с важностью произнес: «Ну, тогда – кофе». И замолк, прикрыв глаза ладонью. Не видя подвоха, скрылась в коридоре, чтобы доставить вожделенный кипяток. И через минуту спросила: «А может, лучше чай? Его уже заварила. Индийский! Вот!» И поставила на столик. Игорь с минуту, все больше краснея, смотрел. А потом, хлопнув в ладоши, рассмеялся: «Как ты догадалась? Конечно, лучше мне пить чай. Хотя... Мне теперь эти бирюки кофе запрещают. Якобы давление и все такое прочее. Словом, галиматня сплошная!» – и отхлебнул из чашки, блаженно вытягивая ноги и помахивая рукой. Потеряв дар речи, я пыталась уразуметь: что это он сейчас выдал? И не решалась спросить или укорить. Но вдруг заметила: скосив глаза из-под ладони, он беззвучно хохочет. Что такое? Что случилось? А он медленно, с наслаждением допив чай, роняет: «Вот такой я и люблю! А про давление – забудь! Глупости это все!» И повторил то слово. Я в ужасе отшатнулась. Но вслед раздалось: «А другого термина наука не придумала!»

Потом, уже серьезно спросил: «Ты Пер Лагерквиста знаешь? Читала?» И извлек из портфеля толстый том: «Одна незадача. Надо за сутки одолеть. Хозяйка дала на два дня. А я уж за сутки прочту, думаю. Так как?» Благодарная, согласилась. Но спросила: «Извини, пожалуйста. А тот двухтомник Анри Матисса ты скоро дочитаешь?» Опешив, Игорь воззрился с удивлением. Потом спохватился: «Ну, знаешь, это от Макума зависит. Он попросил, когда я нес, ну, я и... Но я спрошу у него, если не забуду!» И опять – испытующий взгляд. И я сорвалась: «Но ведь я ее даже не открыла! Купив, несла домой, когда мы встретились в мастерских. И ты сказал, что “очень скоро, через пару дней, верну”. Значит, ты там, в тот же час “завернул” к Макуму и... Это – нечестно!» Я была вне себя от волнения и огорчения. Игорь, видимо, все понял: «Это – беда поправимая. Исправлю на днях... Только Лагерквиста ты мне верни завтра, ладно?» С тем и простилась. До завтра.

Испытание на прочность

А прежде, в мастерской Евгения Матвеевича услышала: «Ты в курсе, что Корогодин – в больнице?» Довольно долго не видя, была уверена, что это – обычная занятость работой, творчеством, семьей. Ведь он и преподавал, и оформлял спектакли, и занимался живописью, и был прекрасным семьянином. И ни-ког-да не болел! Во всяком случае, ни единого слова об этом не слышала от него никогда. Раз, столкнувшись в коридоре нашей поликлиники, заметила, как он сконфузился. И это мне пришлось по душе. Негоже мужчине болеть или говорить о недугах.

Но сейчас я растерялась. «А что с ним?» – волнуясь, спросила у обожаемого мэтра. Сдвинув брови, Сидоркин укоризненно изрек: «Вообще, об этом не надо бы... Но ладно, тебе скажу. Он же – мой сосед. Да и с Гулей они работой связаны в театре. Так вот. Там у них с женой произошел инцидент. Ты ее знаешь? Она же – врач. В-общем, обычная семейная ссора. А потом... Словом, его едва спасли. Когда его, окровавленного, в машину “скорой” провожали, там сказали, что неизвестно, удастся ли спасти. А “деятели из органов” пытали его вопросами. И он ответил: “Я сам виноват. Был пьян. Напоролся на нож, когда резал хлеб”. Вздыхнул:

«Медэкспертиза утверждала, что все – не так. Но Игорь настоял на своем. Он же любит свою малышку-дочь безумно. Вот и пытается спасти брак»»).

Я, похолодев, слушала, а муж сказал: «Надо будет помочь, когда из больницы выйдет». Больше слов не было!

Я поняла, что достоинство и честь «в поправках» не нуждается. И поступок Игоря – не геройство или попытка самоутверждения. Это – дело чести. И испытание на прочность. Он его выдержал. Только позже заметила – как он страдает и физически, и морально. Второе давалось тяжелее.

Криз

Единственный раз он позволил себе явиться «не в форме». Пунцовый, с белыми губами, он стоял на пороге, протянув руку к звонку. А я распахнула дверь, собираясь убежать. Он покачнулся. Кинувшись на помощь, поняла – это что-то серьезное. Спросила о «скорой». Он, сжав губы, качнул головой отрицательно. Осторожно подведя к дивану, помогла опуститься. Он с трудом переводил дыхание, пытаясь улыбнуться. Напив водой, попросила расслабиться. И, поставив очень тихо мягкую мелодию на проигрывателе, исчезла из комнаты. Позже заглянув, увидела заострившийся нос, бескровные губы и смертельную бледность. Напуганно вглядевшись, убедилась: дышит. Он проснулся примерно через час. Страшно смущаясь, спросил: «И долго я тут?». Ответив, что нет, успокоила. А он потихоньку стал собираться. И страшно удивился: а где мои штиблеты? Я что их, сам снял? А потом, краснея и посмеиваясь, добавил: «Я ведь шел на “автопилоте”. Не понял – что и как. Только почти ничего не видел...» Что это? Он пытался браво шутить, как всегда это делал. Но понял: здесь это не нужно. И, уходя, заверил, что все уже – нормально, не надо дрейфить, «на днях увидимся». Оказалось, это был криз, т. е. перепад давления... Очень опасная вещь! И мы об этом больше не заговаривали.

Участие друга

Летом 1976-го по направлению музея пришла в Дом Правительства, на съезд Союза художников. Доклады следуют в регламентированном порядке: торжественно, с пафосом.

Сижу в ложе, высоко над актовым залом. Президиум мирно посапывает, внимая микрофонным спичам. И вдруг ловлю себя на мысли – что происходит, что так благолепно, монотонно, с примесью скуки нависло над этим огромным залом? Что я здесь делаю? Да, я – член Молодежного объединения Союза художников СССР. В «полноценные» члены вступать еще предстоит. Но отчего же вокруг вместо творцов-художников – сплошь скучающие, «отсутствующие» деятели? Где энергия, пламенное слово, жизнь?

Замечаю вдруг лица сидящих рядом. Оцепенелый взгляд, горькая улыбка Игоря Корогодина, отчаянно грустит Женя Кудинов. Но вот раздается: перерыв. Мы троим покидаем сии апартаменты и – на воздух. Игорь предлагает пройтись. Женя быстро удаляется. Корогодина вопросов не задает, по счастью. Но, поняла, все заметил!

Садимся за столик «Акку» – открытое летнее кафе близ Дома Правительства. Кругом зелень, аромат цветов и трав, лебеди на воде. Принесли кофе и мороженое. Внезапно Игорь спрашивает: «Знаешь, что с Юрой Функоринео?»

– «Виделась с ним вчера в комбинате “Өнер”». Юра лучился радостью, держа за руку миниатюрную малышку. Сказал, что предстоит отпуск у родителей жены. Он их проводит, а следом полетит сам. «Кристина», – отозвалась девочка. Отец засмеялся: «Маленькая барышня!» Такая нежность и гордость звучали в его голосе! «А младший – Маркуша. Он – другой, спокойный». Сказала, что лечу в санаторий, в Крым. Он ласково обратился к дочке: «Попрощайся!» И она присела в реверансе. Трогательно и очаровательно! На том и расстались.

Это мелькнуло в сознании. А лицо Игоря испугало. Он отрывисто роняет: авария в аэропорту, гибель семьи Юры. Пытаюсь что-то сказать. А Игорь, взмахнув рукой, просит: «Давай не будем на эту тему, ладно?!» И столько отчаяния и боли в жесте, голосе!

Тем летом нигде не сообщалось об авариях. А разбивались лучшие в СССР лайнеры – Ил-18.

Лишь через 20 дней, вернувшись домой, начала понимать весь ужас происходящего. Мама обиженно спросила: зачем я всем «раззвенела» о своей поездке. Оказалась, были звонки со всего Союза с вопросом: где я, что я?

Так информация о трагедиях в небе – а их случалось много! – заставила переживать за близких и друзей всех нас!

Надо было увидеть Юру! И мы встретились. Почерневшее лицо, лихорадочный блеск глаз. Я привела его к нам домой. Хрупкая мама моя приняла его в объятия, как родного. Он долго стоял, прикрыв глаза, почти не дыша. Потом был чай и наша беседа. Вскоре предстояла поездка в Ленинград – завершать учебу. Юра поручил искать там вариант обмена квартиры. Не было сил оставаться здесь в осиротевшем доме!

Питерские мои друзья включились в поиск. А с Юрой говорила по телефону. И – читала письма. Невероятные в своей жгучей боли и поэзии строки! Порой после этого так «замыкало», что срывалась сдача экзаменов. Слез не было, лишь боль и страстное желание помочь.

Время лечит? Не знаю. Но... переезд не состоялся.

А в Алма-Ате ощутила перемены: Юра отдалился, отводит глаза. Но – го-во-рить о личном? Это – табу.

Позже увиделись в Тау-Тургене, на творческой даче Союза композиторов СССР в горах. Юра – грустный, сдержанный. На руках – малышка. У него – семья. Новая.

Потом кто-то из художников сказал: он – в Израиле с матерью, все хорошо, наведывается сюда! И я выдохнула: «Слава Богу! Удачи, друг мой! Живи долго и счастливо!»

А в ушах – вопль-просьба Игоря: «Давай не будем!» Мера деликатности и стойкой преданности другу проявилась тогда в полную силу. Побольше бы нам таких друзей!

Вначале. И всегда

В мастерской Себастьяна Киракозова Игорь бывал нередко. И всегда – вовремя. Хотя здесь часто сидели «пожиратели времени – хронофаги», изводя хозяина своей назойливой потребностью «общения». Он, по врожденному чувству прирожденного аристократа, не мог отказать в гостеприимстве ни-ко-му. И это было смертельным испытанием и терпению, и гордости, и доброте.

Он сознавал, что где-то его обманывают и «опускают». И тогда срывался, прибегая к излюбленному средству больших художников – питию. Но мог резко прекратить, в отличие от многих безвольных собратьев.

И тогда набирала высоту его божественная страсть к творчеству. И возникали ошеломляюще прекрасные явления в образах титанов духа и величия – подлинные создания Мастера, наделенного даром так любить, чувствовать, жить! И дарить мир своей Любовью к Прекрасному! Подлинно монументальное Искусство!

Игорь это знал с первой минуты знакомства, обретя невероятной силы и нежности духовного собрата по творчеству. И – по жизненным устоям. А потому видится неслучайной наша первая встреча в Алма-Ате, когда он просто не дал мне уйти из мастерской, где сидел в окружении живописцев мой Человек. Приблизил нас друг к другу. Он почувствовал все прежде, чем я осознала это сама. А потом годы и годы был рядом, незаметно и верно охраняя наш тыл. И никогда не боялся быть неверно понятым. Просто верил.

Нрав Друга, или Единственный

Характер моего любимого вовсе не был ангельским. Вспыльчивый и самолюбивый, он не выносил женского лицемерия. Но – часто обманывался, ожидая всякий раз чего-то необычайно прекрасного, совершенного, чистого. И был разочарован многократно. И полагал, что женскую натуру изучил в совершенстве. А потому точно знал, как наказать «прелестниц», что беззастенчиво врывались в его судьбу, жизнь, мастерскую, наконец. Потому имел длинный печальный список душевных травм и обманов.

Со мной он откровенно удивлялся и никак не мог понять и поверить, что такое возможно. Во всяком случае, ему это казалось наваждением, чем-то нереальным. Но порой, в аффекте и взрыве, он не скрывал: «Так не бывает! Но я тебя завоюю! Ты мне дана Богом! Я тебя никому не отдам!» Все боли я принимала в себя, точно зная – это судьба моей любви, и совсем не страшно, что не бьет фонтаном повседневная бытовая радость. Не хочется сравнивать и сожалеть. Никогда! Единственного сравнивать не с кем! И – незачем. Он просто есть. И всегда жив в душе твоей. Это – подарок Судьбы. Но все мои мысли и переживания, все чувства и ощущения никогда не нуждались ни в чьем одобрении или понимании. Это чувствуешь сердцем. И – живешь!

Благо, есть в судьбе человека прекрасная цель и потребность – любить и быть любимым. Тогда все обретает смысл и свет, что зажигает сердца и глаза. А значит, дарит жизнь. Как большое, настоящее искусство.

Секрет столь доверительных и глубоких отношений моего любимого с Игорем никогда не был тайной для меня. Он – в доверии, открытости и глубоком чувстве сопричастности к Духу, сердцу Вселенной – Любви. А потому – явное или тайное, безмерное сходство нравов, характеров, привычек и привязанностей. И зоркие глаза любящего существа, художника.

Встреча на скамейке

Вернувшись из Питера после экзаменов, сразу позвонив, услышала чужой голос: «Так он – на костылях. Сорвался с лесов, когда “красил” (то есть занимался росписью стен). Ну в общем, перелом ключицы, обеих ног. Но из больницы выписали. Лежит дома». А на следующий день услышала по телефону Тебя: «Ты

вернулась? Все хорошо? Какая ты?» И в ответ: «В норме. Только костистая». Ты в замешательстве: «Как-как? Кос-тис-тая?» И засмеялся. Тогда спросила про костыли. И сразу: «А ты приходи. Я уже хожу!» – «Хорошо! Буду через час на скамейке, напротив комбината, у остановки».

Редкий случай, когда я была одета «по-женски»: в платье и босоножках на каблуках. Привычнее было всегда – в джинсах и свитере или майке. Так ведь удобнее!

И вот спешу к старушкам, что стоят с ведрами и кошелками. Взяла пакет с клубникой и поспешила на место встречи. А там уже восседал мой Любимый. Без костылей, а рядом – Игорь Корогодин, бледный, напряженный, придерживая что-то за спиной. Оказалось, костыли. Но ими так и не воспользовались! Попробовав клубнику, угостив Игоря, Ты оглядел меня и сказал лукаво: «И правда – костистая! Чего ты так похудела?» И вдруг испугался: «А ты там, в Питере, не болела часом?» Я заверила под взглядом Игоря, что «все – в порядке! Правда! Только устала, немножко». И добавила: «Я пойду, а то уже опаздываю с обеда». Ты вдруг стремительно поднялся, качнувшись. Игорь подхватил, протягивая костыли. Но, упрямо двинув подбородком, ты – враскачку – зашагал рядом, пытаясь выглядеть браво и очень здорово. Все ощутив – физически! – через короткий квартал взмолилась: «Давай я отсюда побегу! Сама! Вечером увидимся!» А ты, с каплями на губе и лбу, страшно бледный, улыбнулся: «Ладно! Тогда пойду обратно». И выжидающе взглянул мне в глаза. Ах, что за нежность полыхнула мне в душу! Развернувшись, бегом устремила к музею, к своим жизнелюбивым и весьма любопытным дамам-сотрудницам. А в душе трепетала такая радость: «Ты поправляешься! Ты ждешь! Ты любишь!» И глаза Игоря – всепонимающие и ласковые, как бы благодаря. За что?

Серьезный разговор

Лишь однажды Игорь навестил меня в музей, вызвав из кабинета в коридор, где устроился на креслах и позвал присесть рядом. Очень бледный, он пристально глядел, не решаясь заговорить. Наконец, спросил: «Ты не обессудь. Очень глупая ситуация. Нет ли у тебя денег, девочка?» Я страшно удивилась и огорчилась: «Я бы могла взять у соседей, дома. Но не сейчас, только вечером, после работы. А здесь – не у кого. Прости, пожалуйста... Так глупо...» Улыбнувшись, Игорь вдруг произнес совсем другим тоном: «А, пустое... Вот, кстати, то, что я все никак не мог собрать...» И извлек из портфеля какие-то старые каталоги, крошечные, с плохой печатью. «Выставки театральных художников», – прочла одну из обложек, потрепанную, в пятнах. Игорь, смутившись, пояснил: «Мы же все время кочевали с квартиры на квартиру. Вот и... Многое затерялось или погибло. Да что там горевать! Кому это нужно?» Без аффекта, искренне бросил он слова, показавшие мне, сколь мало ценит он внешний блеск и всяческие «заслуги». И вдруг добавил: «А квартиру дал мне Мамбеев. Я как-то зашел к нему в Союзе. Он спросил: где я живу. Я ответил: “Нигде”. И он взял какой-то лист, что-то вычеркнул, а через месяц я получил вот эту мою трехкомнатную квартиру. Класс?» И засмеялся весело. Но я-то знакома была с этим, скитаясь по квартирам старого центра Питера, в ужасающих условиях быта.

Ничего не сказав, спросила: «А какой свой спектакль считаешь лучшим?» Не задумываясь, ответил: «Генрих III, или Обыкновенный фашизм». Это одна из

больших последних работ в Театре оперы и балета. Классика в современном прочтении. Знакома?» – «Я читала только Генриха Манна “Генрих IV”...» Улыбнулся: «Это не страшно! Суть ты знаешь. Ну, за “Мистерию Буфф” не стыдно. Спектакль возили с моими декорациями в Бразилию, Сан-Пауло. Это – еще в 60-е годы. А “В бурю” Т. Хренникова расхваливали в журнале “Театр” в 1981 году. А в 1972 году в нашем Оперном поставили “Бориса Годунова” М. Мусогогорского. Конечно, это не шедевр в плане режиссуры и актерского исполнения, но за декорации и костюмы мне не стыдно. Эскизы в основном хранятся в дирекции художественных выставок. Там же – “Биржан-Сара” – полностью все эскизы костюмов и декораций. В 75–76 годах. А в 80–81 годах – “Старший брат” Вампилова в Русской драме и “Дон-Кихот”, там же. А вот “Генриха, или Обыкновенный фашизм” поставить в Оперном, как хотелось, не получилось. Тупость чья-то помешала. Но мне он – по душе больше всех других. Головой отвечаю».

Завершая свой столь неожиданный спич, Игорь и сам как-то засветился, и меня заставил заволноваться. Никогда прежде всерьез о своей работе в театре не заговаривал. А я робела и переживала, боясь за свою некомпетентность. Ведь о роли художника в жизни театра надо знать. Не дилетантски, за «красоту!», а изучая «всерьез и надолго», глубоко и пристально, дабы быть вправе что-то произнести вслух. Но «брехала» театром я с малых лет, пропадая там с родителями и без, занимаясь балетом и гимнастикой, играя на пианино, штудирюя труды о русском балетном театре и мировой драме, классиках музыки Востока и Запада, народной музыке стран и народов мира... Конечно, заикнуться об этом в разговорах с Игорем не приходило в голову никогда. Ждала! И вот, час наступил! А писать? О, это было тогда еще невозможно! Не готова! Но не слушать, не читать, не восхищаться, разве такое возможно?

И я с трепетом слушала Игоря, сознавая, что подобное – неповторимо. В совершенстве владея языком, он изъяснялся упрощенно, повторяя «мне не стыдно за...» о своих драгоценных созданиях. Конечно, он волновался и вместе с тем ни «мастером», ни «гением» себя не выставлял. Но ясно было, что эта скромность – от точного знания своего уровня. И как эти скромность и открытость были великолепны! Вдохновением загорелись глаза, ведь он делился сокровенным, говоря о своем творчестве.

Внезапно рядом оказалась сотрудница музея: «А ты что здесь делаешь?» – раздалось столь фамильярно и грубо, что я похолодела. Что это? К кому? А следом: «Значит, надо!» – ледяным голосом осадил Игорь, побледнев. Но настрой был сбит, вскоре он поднялся, сказав виновато: «Не грусти! Мне пора! Увидимся!», и удалился.

Расстроенная, я все ждала объяснений, извинений... но их не последовало, а ведь она – из наших питерских пенат, умница, искусствовед, я ею восхищалась, такой маленькой, изящной, улыбочивой! Но случившееся только что было ужасно! Какое убожество! Горький осадок оставался долго: стыд за нее и боль уходящей приязни.

И вдруг стоп-кадром возник недавний весенний эпизод.

Ночью вернулась из своего ясноглавого Питера. «Летела» в родной музей в лучезарном настроении, вся в белом. Солнце, весна, тепло! А за спиной – холодные и длинные ночи любимого города, где дорогие друзья и нетленная красота. Спеша по мосту, услышала грохот. Отойти – некуда! Прижалась спиной к ограде. Мимо –

огромный КамАЗ. Он обдал меня «облаком» грязи и талой воды из луж. Что было делать? А солнце, словно смеясь, обливало своим сиянием. И я рассмеялась! На вахте, при входе, служители и охранники, отряхивая и очищая, смеялись вместе со мной. Все к лучшему!

А Игорь – заговорил!

Портреты – цветы. И курица

В доме Игоря в старом шкафу – много интересного. Не касаясь руками, разглядываю фонотеку. Игорь спрашивает: «Хочешь послушать Дженни Герхардт? Это – Раймонд Паулс. Возьми себе. Или выбери что-то на свой вкус». Было неловко, отказалась. И тогда произошло нечто.

Поколебавшись, Игорь шагнул к стене с холстами. Развернув лицом все три, спросил: «Как ты находишь? Есть сходство с чем-то или с кем-то?» Я приблизилась, затем отдалилась и заявила: «Но ведь это – не натюрморты! Это – портреты! И не цветов, а – женщин!»

Измученный взгляд: «Как ты догадалась?» И густо покраснел. А я продолжала: «В одном из них – безысходная, неразделенная любовь, в другом – ярость непонимания, а в третьем – страсть одержимой женщины. И все вместе – отношение автора к нелюбимой. В них – эрос – в самом невысоком своем значении». Игорь потирал лоб и глаза, ошеломленно взирая. Потом, перестав улыбаться, заявил: «А ведь ты все видишь насквозь! Я не люблю всяческих “ведов”, но ты – профи! Отвечаю за свои слова!» И продолжил: «А почему ты не спросишь – кто прототип? Да ладно, я сам скажу: одна рыжая bestия! В ней – ничего от духовности. И высокое мнение о своих прелестях. Это раздражает! И – притягивает...» Он вновь развернул холсты к стене. А я воскликнула: «Зачем же понадобилось брать прототипом именно ирис? Он нежен и ослепителен, дик и утонченно изыскан, такая грация и трепет, а ты!...»

Игорь, пунцовый, мешкая, опустил было взгляд, но следом выпалил: «Такова модель! А с собой я не воюю. Пишу, что вижу!» И отвернулся. Я всерьез рассердилась: «Значит, глаза следует промыть проточной водой!» После паузы раздалось вдруг беспечно: «А что ты мне говорила о курице?» Это, приглашая в дом, он говорил об угощении: «У меня есть знатная курица!» И устался в упор, вопрошая. Зазвонил телефон. Ответив, насупился: «Ну, вот. Сейчас явится соседка, жена художника. Такая болтушка – свет не видел!» – «Зачем же было приглашать?» – «А она без зова. Ну вот, уже пришла...» Соседка словно что-то искала, оглядываясь. И я решила, попросив у нее лук и морковь. Она, опешив, устала: «Зачем? Кому?» – «Для супа. Игорю. Мне скоро уходить, а он не ел с утра». И к Игорю: «А где курица?» – «В морозилке. Сейчас достану. Ну, что еще?» – вскинул царственную голову и скрестил руки на груди наш «князь».

Тотчас вернувшись с «ингредиентами», соседка начала меня поучать. И тут пришла Нина Волгушева, коллега и приятельница знакомой мне милой особы. С ними познакомилась в Радиокomiteте, делая передачи о художниках. Разочарованная, соседка мигом исчезла. Игорь хохотал.

А мы с Ниной, накормив его, радостно удалились вместе. Она призналась, что пришла по просьбе и поручению подруги. «Сам он ни за что ни готовить, ни есть один не станет. А это необходимо ему после операции поджелудочной железы!» Тепло простившись, разошлись.

Художник. Дом и Мастерская

Что притягивает с первого взгляда в людях творческих, одержимых своим ремеслом и высоким горением души? Наверное, непохожесть на всех других. И нет слов, чтобы пытаться это объяснить.

В том, что Корогодин – Художник, сомнений не возникало никогда.

Объясню. Мне однажды по телефону привелось ответить Любимому, страшно меня огорчившему. Как обыденность воспринимаются увеселения красавцев живописцев с «девушками», «женщинами», «бабами», с натурщицами. Это длится веками. Мы не снисходили до подобных «выяснений отношений» ни-ког-да. Но Ты был в тот момент так вызывающе самоуверен и «под хмельком», что я бросила в ответ: «Я – не твоя “женщина”!» Зависла долгая пауза. А потом, с надрывом, тихо: «Ты не могла сказать что-нибудь побольнее?» И я взорвалась: «Ты же – Художник! Ты понял? Ху-дож-ник!» И следом – подавленный, с облегчением смешок: «А-а-а». Самозванцев разного калибра в этой профессии было много всегда. Я просто избегала контактов с этой братией. А слово «Художник» не произносилось всуе. И Любимый мой вдруг понял, что я имела в виду. И успокоился.

Ни-ког-да не позволила я себе о ком-то из его друзей или коллег отозваться дурно. Но он отлично понимал и чувствовал кожей, кто и что меня волнует. И не мучил расспросами. Хотя однажды позволил себе неожиданно выдать: «А может быть, я хочу, чтобы ты писала только обо мне!» Длинная пауза. Ответа не последовало. Но ссоры – тоже. Он правильно понял. А то, что я писала, делала на радио, телевидении, на «Казахтелефильме» и читала на своих лекциях, оставалось лишь «моим делом». Нас обоих это вполне устраивало. Но когда необходимо было его участие в телепередаче о Марлене Темиргалиеве, чудо-художнике и человеке, он едва не сбежал. А потом так проникновенно и просто говорил, что зрители проникались до слез. И он тогда впервые был свидетелем моей творческой работы. И поверил. И порадовался. Что согрело мне душу и вселило надежду стать в его глазах подлинным профи, истинным теоретиком и историком искусства. Но опять – без слов обсуждений и советов.

Любые негативные события своей жизни он определял словами: «Ну, это – скучно!» И не распространялся. А ведь это – качество джентльмена, порядочного человека. И в этом у них с Игорем было полное тождество. Может быть, подобное сходство и притягивает людей, делая единомышленниками. Но они и в своих умопомрачительных горестях, и в головокружительных взлетах творчества вели себя весьма похоже. Просто радовались жизни, собрав круг друзей и устроив пир!

Далеко не вдруг я осознала с удивлением: а ведь на этих «мужских застольях» мне бывать не приходилось. Почему? Позже, много позже догадалась, благодаря Твоим родным из Тбилиси. И у кавказцев, и у казахов – одни правила жизни для мужчин. И там, где возлияния – жены участия не принимают. Может, это справедливо и правильно? Только сначала меня это очень удивляло и огорчало. А теперь понимаю – мудрость народная всегда права.

Грустный праздник

Вернувшись из Паланги, воодушевленная и взволнованная, я очень скоро «загрелась» в больницу, а выйдя, обнаружила серьезную травму у мамы. Вызвав «скорую» и определив ее в хирургию, вспомнила: меня в тот вечер в Союзе художников ждут мои монументалисты. И прямо из маминого стационара явилась

на новогоднее празднество. Оно, видимо, завершалось. Навстречу поднялся из-за стола и пригласил к танцу Юра Функоринео. Любимого там не оказалось, а музыка все звучала, когда Юрий тихо произнес: «Знаешь, там Игорь сидит и смотрит. Он так огорчен. Потанцуешь с ним?» И я, согласно кивнув, сделала несколько па с Корогодиным. Он сразу ощутил, что не все хорошо. Спросил. Пришлось признаться «в текущих событиях». «Но ты уже вышла на работу?» – «Нет, завтра пойду, но...» – «Что случилось?» – «Да, не вовремя так, неожиданно... У нас начали капремонт. Весь подъезд закончен. А в нашей квартире...» И замолчала. А потом добавила: «Может, хорошо, что ребенка забрали, и мама – не дома. Я сама попробую успеть, пока...» Игорь рассмеялся: «Храбрый оловянный солдатик! А кого-то на помощь позвать – не думала?» И, быстро развернув меня, одев в пальто и сам облачившись в куртку, сообщил: «Ну, все, пошли. Тебе пора домой!» И проводил. А я наотрез отказалась от его помощи. Без объяснений. Просто знала, что ему категорически запрещено поднимать тяжести. Благо, Женя Кудинов с другом, услышав меня по телефону, сразу приехали.

Дома приходилось располагаться по-спартански, на полу, но утешала мысль, что все скоро завершится. Домой я привезла маму еще слабой, но ремонт был завершен, и она радовалась. Вместе со мной. С братом. И его малышкой, что снова стала здесь полновластной хозяйкой. А как же, первая мамина внучка!

Устами младенца

В нашем доме его любили и всегда тепло принимали. Особенно племянница – кудрявая, с характером, очень забавная и самолюбивая. О чем они беседовали – без слов, когда она, взобравшись к нему на колени, сидела, положив голову на его плечо, осталось тайной. Но он ей радовался. Очень.

Она с первого взгляда определяла – кто есть кто. И без церемоний выносила свой вердикт. Трехлетнее создание с характером и бездной вопросов, она никому не дарила свое внимание «просто так».

Игорь убедился в этом с первой встречи. Он медленно вошел в комнату и замер под ее «рентген»-взглядом. Она медлила несколько мгновений, затем шагнула, услышав мои слова: «Знакомьтесь, моя Даришка, а это – Игорь, наш друг!» Я хлопотала на кухне, готовя чай и угощенья.

Через 10–15 минут вернулась с чайником в комнату, водрузила на столик и, обернувшись, застыла. Игорь сидел в кресле. А на руках у него, касаясь щеки, сидела моя «непобедимая» племянка. Она молчала, припав к его шее, а он был так расслабленно-светел и счастлив, что...

После чая они мирно устроились на том же месте и в тех же позах. Но был час для сна, и пришлось ребенка просить попрощаться. Без обычных капризов она повернулась к нему: «Пиходи! Я тебе сказку показу!» Кивнув ей, Игорь срочно засобирался: «Мне пора! Право же, засиделся я!»

А в другой приезд он удивил. Смущаясь и как-то отворачиваясь, пояснил: «Да мы с друзьями тут гуляли. Вчера. А...» И замолк. Не успев понять, услышала из-за спины: «Пьяный. Нехолосый...» Это, проснувшись, босая, пришла малышка и укоризненно глядела из-за моей спины. Только на днях, после долгого периода упорного молчания, она впервые заговорила, нет, вернее запела: «Миллион-миллион-миллион алых лоз!...», в такт постукивая ножкой по крышке горшка... И вот такая оказия!

Игорь, пунцово покраснев, быстро развернулся и ушел. Они еще встречались, но меня потряс сам феномен подобных отношений. Вообразить, что кто-либо так может огорчить, глядя в глаза «князю»! Признаюсь, со мной она не позволяла себе такого никогда.

Сокрушаясь о произошедшем, я и вообразить не могла, какую боль она ему нанесла! Но ведь недаром говорят, что «устаи младенца глаголет истина». Он все прекрасно понял. И вновь встречал в ней «единомышленника», и вновь они уединялись в счастливом молчании.

Впервые в Париже

В многоцветном мире Художника всегда есть счастливая надежда на встречу с Чудом. И они – чудеса! – встречаются тем чаще, чем отчаяннее и острее видится их невозможность. Нет, не от неверия в себя, свой талант, свою славу. Просто потому, что рутинa имеет свойство «съедать» в художнике желание действовать. А это отнюдь не означает ни его бессилия, ни потери божьего дара – творить великолепное царство образов театра. И тогда в судьбу художника вмешивается Некто, со стороны похожий на случайность... Но все меняется!

Так, после длительной паузы, Игорь внезапно получает возможность поездки – от Союза художников СССР, Казахстана – за рубеж. Дания, Швеция, Франция... Несбыточная мечта! Но она обрела крылья, став – вдруг! – реальностью. И состоялась! А ведь он с юности «бредил» Парижем. Это было счастьем, праздником, столь долго, давно ожидаемым!

Я полагала, что художник, встретившись с творениями гениальных «собратьев по цеху», вернется победителем. Но случилось иначе. Он замкнулся в своем открытии совсем иного мира: и в творениях гениальных художников в стенах Лувра, и в музеях Амстердама и Гааги, и в архитектуре средневековья, представшей во всем блеске реального впечатления. Все стало первооткрытием, далеким от прежнего лучезарного представления. Ничто не совпало... И он молчал об этом.

Много позже печальную исповедь об уже ушедшем друге услышала от художника Миши Палаткина, случайно встретив его в предгорьях Тау-Тургеня. Мы двигались вдоль сельской дороги пешком, не поднимая глаз на великолепие девственно-прекрасной окрестной природы: горы, перелески, ручьи, снег на вершинах и ослепительное солнце. А надо мной звучал голос: «Игорь попросил меня: “Мишаня, не могу больше, поедem подальше в горы, где нет людей...” И я привез его сюда. Он упал на траву и говорил сквозь слезы: “Почему? Почему так? Все – неправда! Там все – не так, все – иначе! У них и глаза другие! Они свободны! Понимаешь? Свободны! И это видно сразу! А я-то думал... Что же делать? Как жить с этим?”»

Невыносимо больно было это слушать, оттого что поняла, что происходило с моим другом. Лучшим другом моего Любимого, мужа моего Себастьяна Киракозова. И – моим другом, конечно. Нашим!

Игорь никогда не имел привычки жаловаться. Как и Себ.

Извлекая из нагрудного кармана пиджака платок ослепительной белизны, отвернув голову, ронял: «Соплепад!» Ну, что на это скажешь?

Меж тем, он недавно перенес тяжелую операцию. С тех пор страдал приступами болей и перепадов давления. Но переносил молча, с достоинством и неизменным юмором.

Лишь однажды выплеснул наболевшее: «Вот мне бы дочку сюда, в Алма-Ату! Она – такая же малышка сейчас. Забросить бы ее в бассейн учиться плавать. Закалять. Учить. Я могу!!!» И оборвал себя, тяжело вздохнув.

Дочку увезла в другой город ее мать без надежды на встречу. Он молчал, скрывая от всех горечь пустынного дома, где недавно еще звенел детский смех и был очаг, семейный очаг.

Но приходит в дом Игоря, где соседями были самые именитые и не очень художники, всегда было праздником. Его любили женщины, – этого не могло не быть! – особенно знавшие, что он уже «свободен». И претендовали на роль новых «хозяек»! А он, наскитавшись по съемным квартирам после первого брака и со второй женой, и представить себе не мог «новую жизнь с новой женой». По природе своей никогда не был ни ловеласом, ни искателем приключений. Зато отчаянно влюблен был в свою Музу – театральную сцену. И – одну женщину.

Любимая

С чем художник соотносит свое чувство Любви? С Музыкой? Поэзией? Идеалами детства и юности? Наверное, об этом не скажет никто.

Мне привелось однажды громко сказать свое мнение человеку, обожаемому с раннего детства. Ослепительно красивая, она притягивала к себе обаянием, интеллектом, взрывным темпераментом и... нежностью. А для Игоря эта женщина была еще и коллегой по цеху. И – соседкой. Речь – о Гультайрус Исмаиловой. Замечательного таланта сценограф, она как никто умела открыто, прямо в лицо высказать и свое нелицеприятное мнение, и свой восторг.

Выйдя на лоджию – а она как бы продолжалась, соседствуя с соседней квартирой, – я оказалась рядом с Гультайрус Мансуровной. Я засмеялась от радости, Игорь за спиной молчал, а моя любимая художница начала говорить с ним о работе. И тотчас, без переходов, вдруг сказала, глядя на меня: а у него сейчас – молодая любовница. Очередная! Игорь густо покраснел, а я не выдержала: «Никакая не любовница! Она – любимая! Чудная женщина, я знаю ее!» Как видно, я выпалила это столь запальчиво, пятась к двери в комнату, и так расстроено, что... Словом, и Корогодина, и Гультайрус Мансуровна, всплеснув руками, громко и весело рассмеялись. И она укоризненно произнесла: «Ну, что ты, девочка, так защищаешь этого великовозрастного Дон Жуана? Он и сам все понимает. Работать нужно! Работать! А не тратить время попусту на всякие развлечения!»

Что было ответить? И зачем? Вновь покраснев, Игорь распахнул дверь, и я вошла в комнату, оглушенная такой несправедливостью. Ведь люди одной профессии, такие мастера, обязаны быть заодно, поддерживать и любить друг друга. Разве нет? На это Игорь, весело кивнув, не стал отвечать! А я все никак не могла успокоиться. «Разве люди “одной группы крови” не должны с полуслова, полувзгляда понимать друг друга, беречь и защищать?»

Но с высоты своего жизненного опыта Игорь и не подумал разочаровывать меня, что-то объясняя. Просто отвлек какими-то расспросами, а потом взял торжественное обещание, что через пару дней увидимся у Жени. «Я позвоню!» – тон был строгим. Но глаза смеялись.

Это все – той ранней осенью 1982 года, в начале сентября, когда город начал золотиться и сиять в лучах уходящего лета. Как оказалось, в канун моего отъезда в Литву.

И вот я выхожу из троллейбуса. Игорь с улыбкой ведет меня по улочке, весь как-то светясь, а я, нарядная и «парящая», уже с билетами на Москву – Вильнюс, шагаю рядом. Дом утопает в пышной зелени, тронутой позолотой. Ароматы сада – и в доме, где настезь распахнуты окна. Мы – за столом, в тесном соседстве с книжными шкафами и полками от пола до потолка. Низко свисает в оранжевом шелке старый абажур. А надо всем царит хрипловато-ласковый и дерзкий голос:

Дом хрустальный для нее на горе,
Сам, как пес, так бы и рос в цепи,
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

...

Посмотри, как я люблюсь Тобой,
как Мадонной Рафаэлевой!

А я вдруг увидела золотые струи дождем спадающих кудрей, ту нидерландскую ослепительную женскую красоту, что завораживает... На мраморно-бледном лице сияли такие глаза, что я невольно повернула голову. И увидела... Нечаянно. Так смотреть могут лишь любящие. Точно магический ток лился из глаз Игоря, застывшего в молчании. И под жгучие стонущие звуки Высоцкого двое говорили друг другу. Глазами.

Скоро попрощавшись, я убегала счастливая, сознавая, что друг мой Игорь любит ответно. А она – та самая, знакомая прежде, родная душа! Так хотелось мне видеть их вместе, в одном размахе крыльев и душ, в одном доме. Что они – пара, я не сомневалась. Лишь бы они были вместе! Благодарение Небесам, они встретились!

А ведь, говорят, в любви люди становятся эгоистами. Неправда! Мне с Любимым принадлежал весь мир, а как же не желать подобного близкой душе, другу? Он это чувствовал, я знаю. И трепетал, и строил планы, и мучился сомнениями, но верил. А я, не смея заговорить об этом, ждала добрых вестей. Любимый мой, неистовый и в творчестве, и в любви, не выносил от меня даже упоминаний о ком-либо из своих коллег. Это очень напрягало. Лишь в Саше Цивчинском и Игоре Корогодине он не усомнился ни на минуту. И молча одобрял мои высказывания о них, всегда добрые и благодарные.

Единственная персональная

Игорь Николаевич Корогодин жил и работал в Алма-Ате всю жизнь (1938–1986 годы). Будучи невероятно одаренным художником, художником театра – сценаристом, он всецело зависел от условий театров. И в Театре казахской драмы им. М. О. Ауэзова, с которым его связывали годы дружбы с главным режиссером Азербайджаном Мамбетовым, и в Оперном, и в ТЮЗе, где его все знали, уважали, любили. И коллеги, и зрители, и актеры, и художники. Он с первого года возвращения в Алма-Ату из Ленинграда (1966) стал членом Союза художников СССР и Казахстана. Сразу начал творческую работу главным художником в нашем Театре оперы и балета им. Абая, обрел известность, успех, славу. Начал вместе с коллегами активно участвовать в больших выставках художников театра, среди

маститых и молодых. И не затерялся, имея свое яркое, неповторимое авторское лицо. Но, не умея «кланяться» и льстить, гордо нес голову сверх меры одаренного творца, отдаваясь работе и повинаясь лишь голосу чести и таланта. Наверное, именно потому никаких наград он не получал, кроме бурных аплодисментов восторженного зрителя.

Но больно сознавать, что персональной выставки он так и не удостоился официально. Любимый мой, в отличие от многих и многих коллег, устроил ее лишь однажды в 50 лет. В 1990 году. А Игорь на ней уже не был ни зрителем, ни болельщиком. Он оставил этот мир на четыре года прежде.

Но случилось другое.

Эта экспозиция – первая персональная выставка И. Н. Корогодина случилась на стыке времен – начала перестройки! – не в музее или выставочном зале, а в... переходе. Это – возле моего дома, на пересечении Коммунистического (ныне Абылай хана) и Калинина (Кабанбай батыра). Странная ситуация! Случайно проходя сквозь переход – так обыденно просто и привычно – подняла глаза и... онемела.

Блеклое люминесцентное освещение бросало блики на нечто невероятное и магически притягательное. Это были эскизы к постановкам европейской классики. Особенно завораживал горячий алый на бархате черной темперы в серии композиций к спектаклю У. Шекспира «Генрих III, или Обыкновенный фашизм».

Тут неуместны слова и комментарии. Жгучая боль и ярость, сострадание и негодование противостоит самой идее о «неприкосновенности» особ, зло вершащих. Если речь идет о судьбе Человека. Или Человечества. Масштаб соизмерим.

Всего несколько работ в подземном проходном каменном коридоре, где любой путник может лицезреть чудо творчества – это было невероятно! Нереально! Но – было. И более – никаких иных персональных экспозиций. Есть вопросы? Ответа не нахожу.

Театр Игоря Корогодина

В суетной и быстротечной нашей жизни люди редко задаются вопросом: а так ли я живу? И манит, и тревожит душу ошеломляюще острая мысль: что успел, что суждено, что не сбылось, и сбудется ль?

Театр жизни Игоря, как никогда остро, предстал предо мной однажды поздно вечером. Он звонил так взволнованно-нервно, так требовательно и обиженно, что я поняла: ему невыносимо больно. Наконец, признался, что звонит от Невзорова, художника театра уже преклонного возраста, одинокого и вполне несчастного. Он негодовал на несчастья своего старшего друга и собрата по профессии, всеми забытого и оставленного в горьком сознании своей ненужности. «Но ты-то, ты ведь о нем напишешь?» – кричал в трубку Игорь, содрогаясь каждым нервом. А я, не владея материалом, солгать не могла. И – напрасно обнадежить – тоже. Тот разговор так же неожиданно прервался, как и начался. Игорь едва не срывался на слезы. Но его желание помочь, стремление что-то сделать, дабы согреть осиротевшую душу человека, меня потрясло. Хотя удивляться тут, наверное, нечему. Неравнодушные, сочувствие, искреннее желание подставить плечо так естественно для этой породы людей – художников. А я остро пережила свой ответ – несогласие. Чтобы писать, надо иметь достойный багаж знаний и четкое сознание своей

готовности к теме, к профессии, к характеру действия. Ведь театр – это конгломерат из множества профессий, живущих в едином организме. И художник – один из ведущих голосов в этом полифоническом единстве.

Не решаясь приблизиться к незнакомому досконально виду творчества, не подозревала, что страх – плохой советчик.

И позже, уже в содружестве с другим мастером, Гульфайрус Исмаиловой, убедилась. Надо начинать! И все получится! Она меня в этом убедила, услышав написанный материал, и волнуясь, и всхлипывая, и восклицая, и спрашивая – как ты это узнала, а как смогла почувствовать меня так? И заверила напоследок: «А знаешь, девочка, ведь нами, выпускниками Академии художеств Ленинграда, будут здесь гордиться!» И я перестала дышать. Ведь это и ко мне... Но смолчала.

Каково же мне было узнать, что Игорь, никогда о себе ничего не говоривший в профессиональном плане – художники и должны быть гордыми! – тоже выпускник нашей Академии! И тоже учился у М. Бобышева, что был учителем и кумиром Г. М. Исмаиловой. И более того, в театре, где почти 20 лет главным художником – единственной в мире женщиной! – была моя любимая Гульфайрус Исмаилова, Игорь был главным художником прежде, с 1966 по 1970 год. Речь – о Театре оперы и балета им. Абая.

Так он, окончив Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (1966), вернувшись из Ленинграда и вступив в члены Союза художников СССР (1970), стал работать (1966–1971) главным художником. И за шесть лет создал спектакли, ставшие классикой художественного оформления Оперного. Какой диапазон для молодого художника, только что вышедшего из стен питерского института! Балеты «Хиросима» (1966) и «Легенда о белой птице» (1967) на музыку Газизы Жубановой, балет К. Кужамьярова «Чин-Томур» (1971), спектакль «Преступление и наказание» по Ф. Достоевскому и балет Л. Минкуса «Баядерка». Эскизы декораций и костюмов к этим постановкам дали великолепный результат: спектакли шли с аншлагами! Это цветовое единство и мощная нарядная «оркестровка» одеяний актеров дали ослепительный результат. Но говорить об этом? Нет, это – не для художника-автора! Пусть об этом говорят другие. Позже, уже работая в других театрах, Корогодин создал эскизы декораций и костюмов к опере Т. Хренникова «В бурю» (1978), к балету А. Хачатуряна «Спартак» (1981), к балету Л. Минкуса «Дон Кихот» (1980), операм М. Мусоргского «Борис Годунов» (1984) и Е. Рахмадиева «Целина» (1984), Бриттена «Питер Греймс» и спектаклю по трагедии В. Шекспира «Ричард III, или Обыкновенный фашизм» (1982).

Безусловно, спектаклей, оформленных И. Корогодиным, было много больше, но и весь спектр уже названных представляет нам натуру разностороннюю и весьма эрудированную. Специфика театра предполагает знание художником-постановщиком, кроме литературной основы и музыки, исторической эпохи, ее нравов, обычаев, ее психологии, особенностей музыкального и сценического действия. Плюс особо акцентируется натура актера и музыканта-исполнителя. Как и оркестровое сопровождение, создающее атмосферу спектакля.

Но в этой многоголосной партитуре действия тон задает порой неосознаваемый зрителем колорит и колор представленных живописных обрамлений, т. е. декораций, внешнего облика действующих лиц, их одеяний, подчеркнутых пластикой, музыкой, танцем или статичным предстоянием. Задача художника – создать ансамбль как единый организм, где действие преобразится в волшебство, когда

автор-художник с первых шагов вводит зрителя в мир Красоты, Волшебства, Сказки. Так он преподносит жаждущему впечатлений «первопроходцу» или зрелому ценителю все очарование зрелища, именуемого Театром.

И всякий большой художник, мастер закулисного волшебства, все партитуры, все действие, все нюансы постановки знает наизусть. И, соответственно, «ощущает кожей» каждый фрагмент, штрих, движение, творящееся на сцене. И когда спектакль «дышит» с ним «на одной волне», успех обеспечен.

Как известно, делит эту радость вместе со зрителем, музыкантами, актерами, танцорами и сам художник. Так, после каждого спектакля, заново переживая суть событий и состояний, сценограф обращается в активного и страстного участника действия. Разве есть что-то лучше?

Серьезным, задумчивым, отрешенным видеть Игоря приходилось не однажды, но закрываю глаза и вижу: заброшенное лицо, стекающие из зажмуренных глаз слезы, задохнувшийся от смеха, лукавый, счастливый смех, как у ребенка. Художник! Он «на все сто» ощущал себя тем набедокурившим школяром, который победно вкушал свою безнаказанность. Я искренне поражаюсь его «хулиганским» замашкам, заявляя об этом вслух и вызывая новые приступы хохота. Меня великодушно прощали за непонимание. И где мне было догадаться, что только на такую реакцию все и было рассчитано, срежиссировано и представлено! В итоге все были довольны.

Вновь – Паланга

Как-то вернувшись из командировки, летом 1986 года, едва успела к телефону. В трубке холодно прозвучало: «А знаешь, ведь Корогодин – в Паланге... Умер». И – короткие гудки. «О, оно снисходительно, зло», точно сказал Олжас Сулейменов! Сердце застряло в горле и надо было куда-то бежать, кричать, искать. Но куда. Не к кому. Представилась Паланга той осенью 1982-го, мой номер, стена-окно, стол, стул, кровать. Голос в трубке сообщил, что лекарство было в нагрудном кармане. Не успел, не дотянулся, упал в полный рост у двери... И виделась мне отчего-то именно моя комната, и он – на полу. Оказывается, как это водится на творческой базе художников, его не тревожили пару дней, полагая, что он работает, а когда стали стучать – никто не отозвался.

Стихи о себе

Пережив потрясение в Европе, Игорь попросил друга поехать в горы. Тогда не помогли ни музыка, ни книги, ни холсты. Спасением стала эта ароматная земля летних предгорий. Вот когда, после встречи с М. Палаткиным, я и прочла по-иному строки из подаренной Игорем книжки Бо-Цзюй-и:

Днем лежу в постели
 Я обнял подушку –
 ни слова, ни звука, молчу.
 А в спальне пустой
 ни души, я один с тишиною.
 Кто знает о том,
 что весь день напролет я лежу?
 Я вовсе не болен,
 и спать мне не хочется тоже.

Художник по рождению

Но если кому-то покажется, что Игорь Корогодин был более строг, чем снисходителен, более непреклонен, чем мягок, более категоричен, чем любезен, ответу парой примеров.

Будучи педагогом Театрально-художественного института на факультете, выпускающем художников театра, он бесконечно фантазировал, не превращая занятия с юными магами сцены в скучные теоретические умозаключения. Он всячески будил в них живое чувство сценического чуда, где самый большой волшебник – художник. Может быть, поэтому, уже покинув стены института, он не мог отказать тем из студентов, что находили его и просили о помощи, консультациях, советах. И страшно огорчался, что многие из них останутся потом не у дел: «Где взять столько театров?»

А на вопрос, обычный, повседневный: «Как дела?» отвечал, важно погладив усы на лице аристократа: «Патахонка».

Мне он пояснил, что копирует известного режиссера, друга по театру, а вот всем прочим... Реакция, в любом случае, была одна у всех: смех, хохот. Что и требовалось... Слезы, рожденные только смехом – залог бесконечной доброты и любви, светлые слезы радости. Разве есть что-нибудь лучше на свете?

Благородство ни изобразить, ни сыграть нельзя. Оно – в крови. И это видно с первого взгляда. А потому во всем жизненном, творческом, духовном пути Игоря Корогодина просвечивает его душа – открытая, ранимая, искренняя, пленяя благородством и печалью истинного Рыцаря без страха и упрека. Художника волею Судьбы.

